

СТЕРВА – ЖЕНА АВТОРИТЕТА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

МУНИРА ВАГИНА

Мунира Вагина

Стерва - жена авторитета

<https://litres.ru/74514579>

SelfPub; 2026

Аннотация

Марина думала, что самое страшное уже случилось, когда ради спасения близкого человека ей пришлось стать женой Артёма — мужчины, чьё имя заставляет других говорить тише. Но настоящий удар приходит позже: в её жизнь возвращается Кирилл. Мужчина из прошлого. Мужчина, которого она не должна ни видеть, ни помнить — и тем более целовать.

Одна тайная встреча превращается в измену, а запретная связь — в опасность, способную разрушить всё. Артём чувствует ложь. Кирилл требует выбора. Шантаж, похищение, спрятанные документы и старые долги затягивают петлю всё туже. Теперь Марине придётся решить, кому она действительно принадлежит — мужчине, за которого вышла замуж по необходимости, или тому, ради кого готова переступить последнюю черту.

Но в мире Артёма за предательство платят дорого. И когда правда откроется, цена свободы может оказаться выше, чем цена любви.

В книге присутствует нецензурная брань.

Содержание

ГЛАВА 1 - Цена спасения	4
ГЛАВА 2 - Сделка	18
ГЛАВА 3 - Жена авторитета	35
ГЛАВА 4 - Правила клетки	50
Г	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Мунира Вагина

Стерва - жена авторитета

ГЛАВА 1 - Цена спасения

Утром отец не пришёл на завтрак.

Сначала Марина решила, что он снова засиделся в кабинете. В последнее время Виктор Сергеевич почти не спал: до рассвета разговаривал по телефону, курил у окна и перелистывал какие-то папки, будто надеялся отыскать среди цифр дверь наружу. Потом мать сказала, что его машины нет во дворе.

— Он уехал? — спросила Марина.

Мать не ответила. Она сидела за столом в старом халате, держа в руках остывшую чашку. На поверхности кофе плавала тонкая коричневая плёнка.

Младший брат, Егор, стоял у окна и смотрел на ворота.

— Папа оставил записку, — сказал он.

Марина взяла сложенный лист. Бумага была вырвана из блокнота, слова написаны торопливо, с провалами в строках: «Не ищите меня. Я всё исправлю. Простите».

Ниже не было ни адреса, ни подписи.

Мать вскочила так резко, что стул отъехал по паркету.

— Это что значит? — спросила она. — Что значит — не

ищите? Виктор не мог просто уехать. У него дела, люди...

Она осеклась.

У них больше не было людей. За последнюю неделю из дома исчезли водитель, садовник и двое охранников. Сначала отец объяснял это сокращением расходов, потом говорил, что всё временно. Вчера вечером камеры во дворе погасли, а телефон отца до утра не отвечал.

Марина снова посмотрела на записку. От бумаги пахло табаком и его одеколоном — резким, терпким, слишком знакомым. Этот запах всегда держался в кабинете, в машине, на его пиджаке. Теперь он казался следом человека, который уже отрезал себя от дома.

— Я поеду в фирму, — сказала Марина.

— Нет, — тихо ответила мать.

— Надо узнать, что происходит.

— Я уже знаю.

Мать отвернулась к окну. За стеклом ноябрьский дождь превращал сад в серое пятно. Голые ветви яблонь царапали воздух, на дорожках стояла вода.

— Вчера приходили люди, — сказала она. — Не представились. Сказали, что отец должен им деньги. Много денег.

— Сколько?

Мать сжала чашку обеими руками.

— Триста восемьдесят миллионов.

Егор выругался и тут же замолчал, поймав взгляд сестры. Марина не сразу поняла услышанное. Сумма была такой

огромной, что переставала быть числом. Она превращалась в стену — глухую, высокую, без единой трещины.

— Какой долг? — спросила она. — У кого?

— Я не знаю.

— Мам, ты должна знать.

— Я ничего не знала! — Мать повысила голос, и в нём впервые за утро прозвучало не растерянное удивление, а злость. — Он говорил, что у него всё под контролем. Что задержали оплату по объектам. Что нужно переждать два месяца. А сам, оказывается, закладывал всё подряд.

Егор оттолкнулся от подоконника.

— Квартиру тоже?

Марина промолчала.

Отец строил дома, склады, торговые павильоны и никогда не позволял семье задавать лишних вопросов. Он говорил: «Ваша забота — жить спокойно». Они и жили. Мать ездила на лечение в частную клинику, Егор учился в дорогом колледже, Марина занималась благотворительностью и тратила деньги, не спрашивая, откуда они берутся.

Теперь выяснилось: деньги были чужими.

В десять утра к дому приехали двое мужчин. Они не ломали ворота и не кричали. Просто вошли после короткого разговора с перепуганным сторожем, прошли в холл и остановились под лестницей.

Один был толстым, с красным лицом и мокрыми волосами. Второй — худой, в длинном тёмном пальто. Он держал

кожаную папку и осматривал дом с таким вниманием, словно уже выбирал, что отсюда вынести.

— Где Виктор Сергеевич? — спросил толстый.

— Уехал, — ответила Марина.

— Куда?

— Не знаю.

— Тогда звоните ему.

— Телефон выключен.

Толстый усмехнулся.

— У него много выключенных телефонов.

Мать вышла из гостиной.

— Вы не имеете права приходить в мой дом.

— Этот дом заложен в счёт долга, — сказал он. — Как и машина, и фирма, и всё, что ваш муж успел записать на себя.

Егор шагнул вперёд, но Марина поймала его за руку. Пальцы брата дрожали.

— Мы разберёмся, — сказала она.

— Разбирайтесь быстрее. До вечера.

Мужчины ушли, оставив после себя запах дождя и дешёвого табака. Через час отключили электричество. Ещё через два перестал работать телефонный интернет. К вечеру у ворот появились две машины без номеров.

Марина обзвонила отцовских знакомых. Одни не брали трубку, другие говорили, что ничего не знают. Третий, бывший заместитель отца, ответил после долгой паузы:

— Марина, уезжайте оттуда.

— Куда?

— Не знаю. К родственникам.

— У нас нет родственников, которые смогут нас принять.

— Тогда к кому-нибудь ещё. Главное — не ждите, пока приедут настоящие кредиторы.

— Кто они?

В трубке послышалось тяжёлое дыхание.

— Люди Воронцова.

Имя она знала. Его знали все.

Артём Воронцов не занимал официальной должности и не появлялся на городских праздниках. Но начальники управлений звонили ему по ночам, владельцы клубов ждали его решения, а те, кто однажды пытался не вернуть ему деньги, внезапно продавали квартиры и исчезали из города.

Говорили, что у него охранные предприятия, закрытые клубы и доли в десятках фирм. Говорили, будто он способен за один вечер лишить человека дела, имени и будущего. Марина не верила слухам, пока не увидела, как взрослые мужчины замолкают при одном его имени.

— Что ему должен отец? — спросила она.

— Всё.

Связь оборвалась.

Ночью Марина собрала документы. Паспорт матери, свидетельства, лекарства, немного наличных. Егор молча укладывал вещи в рюкзак, хотя не понимал, куда они собираются.

В половине второго внизу хлопнула дверь.

Марина застыла.

По лестнице поднялись шаги. Не торопливые, тяжёлые. Снизу мать что-то сказала, затем раздался мужской голос:
— Я приехал поговорить.

Этот голос не повышался. В нём не было угрозы, и потому он звучал хуже крика.

Марина спустилась.

Артём Воронцов стоял посреди холла, сняв перчатки. На нём было чёрное пальто, под ним — тёмный костюм без единой складки. Высокий, широкоплечий, он казался частью этого дома — только более настоящей, чем мраморный пол и золочёные рамы.

Рядом с ним находились двое охранников. Один остался у двери, другой держал в руках закрытый зонт.

Мать прижала к груди платок.

— Где мой муж? — спросила она.

— Не знаю, — ответил Артём.

— Вы пришли за имуществом?

— Я пришёл поговорить с Мариной.

Он посмотрел на неё, и в этом взгляде не было ни любопытства, ни сочувствия. Он будто заранее знал, что она скажет, и ждал только, когда она произнесёт это вслух.

— Я не стану с вами разговаривать, — сказала Марина.

— Станете.

— Вы вошли в мой дом без разрешения.

— Ваш отец заложил этот дом в счёт долга. Разрешение

мне не требуется.

Мать издала тихий, болезненный звук.

— Виктор не мог...

— Мог. И сделал.

Артём достал из внутреннего кармана папку и положил её на стол. Бумаги легли ровной стопкой.

— Долг составляет триста восемьдесят миллионов рублей. Часть подтверждена расписками, часть — договорами займа. Кроме того, ваш отец вывел средства из двух строительных предприятий и подделал отчётность. Если документы попадут в следственный отдел, ему грозит не только банкротство.

— Вы хотите посадить его? — спросила Марина.

— Я хочу вернуть свои деньги.

— Поэтому запугиваете мою семью?

— Если бы я хотел вас запугать, мы бы сейчас не разговаривали.

Он сказал это спокойно. Без самодовольства. Просто обозначил границу, за которой начиналось что-то куда более страшное.

Марина почувствовала, как у неё немеют пальцы.

— Что вам нужно?

Артём посмотрел на её мать, на Егора, затем снова на Марину.

— Вам нужно уехать отсюда. Сегодня ночью. Дом скоро опечатают, а люди, которым отец задолжал, не станут ждать

суда.

— Вы угрожаете нам?

— Я предупреждаю.

— Какая щедрость.

В его лице ничего не изменилось.

— У меня есть предложение.

— Я не буду работать на вас.

— Речь не о работе.

Марина ощутила, как внутри поднимается холод. Она уже поняла, прежде чем он произнёс следующие слова.

— Вы станете моей женой. Взамен я списываю долг вашего отца, обеспечиваю вашей матери лечение и оплачиваю обучение брата. Вашу семью никто не тронет.

В холле стало так тихо, что слышно было, как вода стекает с зонта на каменный пол.

Егор первым нарушил молчание:

— Пошёл ты.

Охранник у двери шагнул вперёд, но Артём едва заметно поднял руку. Тот остановился.

— Егор, — сказала Марина.

— Он покупает тебя.

— Да, — ответил Артём. — Именно так.

Мать закрыла глаза.

— Марина, не надо.

Она повернулась к ней.

— Что не надо?

— Не соглашайся из-за нас.

— А из-за чего мне соглашаться? Из любви?

Мать вздрогнула, будто дочь ударила её.

Марина снова посмотрела на Артёма.

— Почему я?

— Вы подходите.

— Это не ответ.

— Вы умны, достаточно сдержанны и не станете бегать по ночным клубам, изображая богатую вдову. Кроме того, ваш отец уверен, что вы спасёте семью.

— Он так и сказал?

— Он просил дать вам время.

Значит, отец не просто сбежал. Он заранее оставил её между собой и теми, кому был должен. Даже в последнюю минуту отдал дочь в счёт долга.

Марина почувствовала, как в груди поднимается тошнота.

— А если я откажусь?

— Тогда завтра начнутся аресты имущества. Через несколько дней следственный отдел получит документы. Ваша мать останется без лечения, брат — без учёбы и жилья. Вас никто не тронет физически, если вы этого боитесь. Но жизнь вашей семьи закончится.

— Вы говорите так, будто уже всё решили.

— Я всё решил относительно долга. Решение относительно брака остаётся за вами.

Она рассмеялась. Коротко, сухо.

— Какая честь. Вы оставляете мне право выбрать, в какую сторону падать.

— Я предлагаю вам не падать.

— Вы предлагаете мне лечь под человека, которого я боюсь.

Впервые в его взгляде что-то дрогнуло. Не обида — скорее, раздражение, которому он не позволил стать заметным.

— Боязнь иногда полезнее любви. Она не ослепляет.

— Вы много знаете о любви?

— Достаточно, чтобы не рассчитывать на неё в сделках.

Он говорил о браке как о передаче собственности. Как о договоре на поставку материалов. И всё же в его спокойствии была не только жестокость. Артём действительно мог вычеркнуть долг. Мог защитить мать, дать Егору крышу и возможность закончить учёбу. Он пришёл не требовать, а предложить — если подобное слово вообще подходило к человеку, который держал её семью за горло.

— Сколько у меня времени? — спросила Марина.

— До завтрашнего полудня.

— А если мне понадобится больше?

— Тогда я восприму это как отказ.

— Вы не оставляете даже суток.

— У вас уже нет суток. Я просто называю срок.

Он достал из кармана визитную карточку и положил рядом с папкой.

— Здесь мой номер. Завтра в двенадцать я жду ответа.

Марина не притронулась к карточке.

— И что будет после свадьбы?

— Вы переедете ко мне.

— Вы будете проверять мой телефон?

— Да.

— Запрещать мне встречаться с людьми?

— Если сочту это опасным.

— Выбирать, что мне носить?

— Я не люблю, когда моя жена привлекает лишнее внимание.

— Значит, да.

— Вы быстро учитесь.

Марина сжала челюсти.

— А если я нарушу ваши правила?

— Тогда мы обсудим последствия.

— Вы сейчас говорите о браке или о заключении?

— О браке, Марина.

Он впервые назвал её по имени. В его устах оно прозвучало не ласково, а как отметка в документе.

Артём направился к выходу. У самой двери остановился.

— Утром за вами приедут. Если согласитесь, вас перевезут в безопасное место до оформления брака. Если откажетесь, я больше не отвечаю за то, что сделают другие кредиторы.

— Вы хотите, чтобы я благодарила вас за то, что вы самый вежливый из хищников?

— Нет. Благодарность мне не нужна.

— А что нужно?

Он повернул голову.

— Чтобы вы не лгали мне.

После его ухода мать долго стояла неподвижно. Егор сорвался первым:

— Мы никуда её не отдадим.

Марина посмотрела на брата. Он был ещё совсем юным, несмотря на высокий рост и злость во взгляде. На его столе наверху лежали учебники, недописанная работа и билет на соревнования, куда он собирался через неделю. Всё это могло исчезнуть вместе с домом.

Мать подошла к дочери.

— Я не позволю тебе жертвовать собой.

— Ты уже позволила отцу сделать это.

Слова повисли между ними. Марина пожалела о них сразу, но не извинилась. Слишком многое внутри неё ломалось, чтобы подбирать осколки для чужого спокойствия.

Она взяла карточку Артёма. Плотная бумага, чёрные буквы, номер телефона. Никаких должностей и адресов. Ему не требовалось объяснять, кто он такой.

Перед рассветом Марина поднялась в кабинет отца. Дверь была заперта, но ключ нашёлся в ящике буфета — там, где отец держал запасные ключи от всего дома.

На столе лежали папки, раскрытые счета, фотографии строящихся домов. За окном мутно светлело небо. Город

просыпался, ещё не зная, что одна семья уже потеряла всё.

Марина нашла письмо, которое отец не успел забрать. Всего несколько строк:

«Марина, прости. Воронцов — единственный, кто способен закрыть вопрос. Он давно следит за тобой. Не сопротивляйся. Это спасёт вас».

Она перечитала записку дважды.

Отец знал, что Артём следит за ней. Знал — и всё равно отдал ему дочь.

Марина сложила письмо, убрала в карман и спустилась вниз.

Мать сидела в гостиной, Егор — рядом. Никто не спал.
— Я согласна, — сказала Марина.

Мать зажала рот ладонью.

Егор вскочил.

— Нет.

— Да.

— Ты не обязана!

— Обязана, если хочу, чтобы вы остались живы и на свободе.

— А ты? — спросил он. — Что будет с тобой?

Марина посмотрела на тёмное окно. В стекле отражалась женщина с бледным лицом и прямой спиной. Она казалась старше себя на несколько лет.

— Со мной будет то, что я сама выберу.

Но это была ложь.

Выбирать ей оставили только цену спасения.

ГЛАВА 2 - Сделка

До рассвета никто не произнёс ни слова.

Мать сидела в кресле, прижав к груди старый шерстяной платок. Егор ходил по гостиной из угла в угол, задевая плечом мебель. Он злился не на Артёма — на собственное бессилие. Марина знала это чувство. Оно жгло под рёбрами, как горячий металл.

— Я не позволю ему увезти тебя, — сказал Егор.

— Позволишь.

— Нет.

— Егор, — тихо вмешалась мать.

— Она не обязана расплачиваться за папины долги!

— Обязана, — ответила Марина. — Потому что никто другой не собирается.

Брат остановился.

— Ты даже не знаешь, что он с тобой сделает.

— Знаю.

Она сама удивилась своему спокойствию. Внутри всё дрожало, но голос оставался ровным.

— Он не станет меня бить, — продолжила Марина. — Не станет запирать в подвале. Он просто заберёт право решать за меня. Будет проверять, куда я пошла, с кем разговаривала, что надела. Возможно, ему захочется знать, о чём я думаю.

— И ты согласна?

— Я согласна, чтобы ты продолжил учиться. Чтобы мама получила лечение. Чтобы дом не отняли вместе с последней мебелью.

— А отец?

Марина отвела взгляд.

Отец сидел сейчас где-то в своей машине или в чужой квартире, если вообще ещё был жив. Он оставил им записку, долги и дочь в качестве последнего платежа. Она больше не могла думать о нём как о человеке, которого нужно спасать. Но и позволить ему оказаться за решёткой не могла. Не потому, что простила. Просто за его преступления пришлось бы платить всем.

— Артём сказал, что документы передадут в следственный отдел, — произнесла она. — Если я откажусь, отец станет обвиняемым. Возможно, он этого заслужил. Но тогда нас разорвут кредиторы, а мама не переживёт ещё одного удара.

Мать поднялась.

— Я переживу.

— Ты едва ходишь после последнего курса лечения.

— Я не хочу, чтобы ты продавала себя.

Марина посмотрела на неё. На бледное лицо, на тонкие пальцы, в которых проступали синеватые жилки. Мать всегда была мягкой, почти невесомой рядом с отцом. Она уступала ему во всём, пока однажды не обнаружила, что уступать уже нечего.

— Это не продажа, — сказала Марина.

Егор горько усмехнулся.

— А что же?

Она не нашла ответа.

В десять утра приехал врач из частной клиники. Его привёз человек Артёма — молчаливый мужчина в сером пальто. Он осмотрел мать прямо в гостиной, записал названия лекарств, задал несколько вопросов и сказал, что в клинике её ждут.

— Мы никуда не поедём, — сразу заявила мать.

— Поедете, — сказала Марина.

— Ты уже распоряжаешься мной, как он?

— Сейчас распоряжаюсь. Потому что иначе ты останешься без помощи.

Слово «помощь» оказалось тяжелее, чем она ожидала. В нём слышалось признание собственного поражения.

В половине двенадцатого Артём позвонил сам.

Марина отошла к окну.

— Я согласна, — сказала она.

— Хорошо.

Ни удивления, ни облегчения. Он будто получил подтверждение давно известного решения.

— Но у меня есть условия.

— Говорите.

— Моя мать должна лечиться в той клинике, которую выберу я. Не в вашей больнице и не у врача, которому вы платите за молчание.

— Согласен.

— Егор заканчивает колледж. Вы не вмешиваетесь в его учёбу, не заставляете работать на вас и не используете его против меня.

На том конце повисла короткая пауза.

— Согласен.

— Отец должен остаться жив.

— Марина.

Впервые в его голосе прозвучало предупреждение.

— Вы поняли, о чём я.

— Я не собирался его убивать.

— Но другие кредиторы могут.

— Я не отвечаю за всех.

— Тогда отвечайте за своих людей. Если Виктор Сергеевич найдётся, вы не тронете его до суда.

— Он украл у меня деньги.

— И вы получите их обратно.

— Уже получаю.

— Не через него. Через меня.

Тишина стала плотнее.

— Вы хотите, чтобы я гарантировал безопасность человеку, который пытался скрыться с моими деньгами?

— Я хочу, чтобы вы не превращали его исчезновение в охоту.

— Хорошо. Если он найдётся, мои люди не причинят ему вреда до суда.

— Это обещание?

— Это условие сделки.

Марина на миг закрыла глаза.

— Тогда я согласна.

— Собирайте вещи. Через час за вами приедут.

— Я не поеду одна.

— Ваша мать отправится в клинику, брат — в безопасное место. Вы будете со мной.

— Нет. Сначала я сама отвезу их.

— Это не обсуждается.

— Тогда отменяйте свадьбу.

Артём помолчал дольше.

— Вы уже начали торговаться.

— Я ещё даже не стала вашей женой.

— Именно поэтому пока можете позволить себе такую смелость.

— Запомните её.

— Я ничего не забываю.

Он отключился.

Марина убрала телефон и увидела в стекле своё отражение. Усталое лицо, спутанные волосы, рубашка отца, которую она надела ночью, потому что первой попалась под руку. Она выглядела не как женщина, собирающаяся замуж, а как человек, которого ведут на допрос.

Через час во двор въехали три машины. На этот раз у первой были включены фары, хотя день уже наступил. Водители

не вышли. Из средней машины появился мужчина лет сорока с папкой и аккуратно подстриженной бородой.

— Я Дмитрий Андреевич, — представился он. — Помогаю Артёму Игоревичу вести дела.

— Вести дела или следить за должниками?

— Сегодня — сопровождать вас.

— А завтра?

Он посмотрел на неё без улыбки.

— Завтра вы будете женой Артёма Игоревича.

Мать собрали быстро. Ей помогли надеть пальто, уложили лекарства в отдельную сумку. Егор отказался отдавать рюкзак охраннику и сам понёс его к машине.

— Я поеду с мамой, — сказал он.

— Нет, — возразила Марина.

— Я не оставляю тебя одну.

— Ты не оставляешь меня. Ты делаешь то, что должен.

— А что должен?

— Жить дальше.

Егор отвернулся. Плечи у него напряглись, будто он пытался удержать на месте весь рушащийся дом.

В клинике мать приняли сразу. У входа их встретила женщина-врач, назвавшая Марину по имени. Ей уже подготовили палату, составили план обследования, заказали лекарства. Всё было слишком быстро и слишком безупречно.

— Он давно всё приготовил, — сказала мать, когда они остались одни.

— Видимо.

— Он следил за тобой?

Марина не ответила.

Мать взяла её за руку.

— Ты можешь передумать.

— Нет.

— Даже сейчас.

Марина посмотрела на белую стену, на капельницу, приготовленную у кровати.

— Если я передумаю, завтра отсюда попросят оплату. Потом отключат твоё лечение. Потом приедут другие люди.

— Мы как-нибудь справимся.

— Как? Продадим дом, которого больше нет? Попросим денег у знакомых, которые не отвечают на звонки?

Мать заплакала молча. Слезы текли по её лицу, и Марина не знала, что с ними делать. Обнять? Попросить прощения? Сказать, что всё будет хорошо? Все эти слова были бы ложью.

Она лишь наклонилась и поцеловала мать в висок.

— Я приеду завтра.

— Если он позволит?

— Я сама решу.

Мать слабо улыбнулась.

— Ты ещё веришь, что решаешь?

Марина не стала отвечать.

Из клиники её повезли не в дом Артёма, а в загородный

особняк. Дорога шла через мокрые поля, мимо серых деревень и застывших строек. На обочинах лежал старый снег, перемешанный с песком. Машина шла быстро, но водитель ни разу не нарушил правил. Эта аккуратность пугала сильнее лихой езды.

Дмитрий Андреевич сидел впереди. Рядом с Мариной — женщина из охраны, плотная, коротко стриженная, с внимательными глазами.

— Как вас зовут? — спросила Марина.

— Ольга.

— Вы будете жить со мной?

— Нет.

— Следить?

— Сопровождать.

— Какая разница?

— При сопровождении человек может уйти.

Марина усмехнулась.

— А я могу?

Ольга посмотрела на неё в зеркало.

— Если захотите уйти, вас остановят не мы.

За воротами особняка начинался лес. Дом стоял на возвышении, окружённый голыми берёзами и высоким каменным забором. На окнах не было решёток, но камеры виднелись под карнизами. У входа дежурили двое мужчин.

Артём ждал внутри.

Он стоял у камина, держа в руке чашку кофе. Пальто он

снял, закатал рукава рубашки. В домашней обстановке он выглядел моложе, но от этого не становился безопаснее.

— Вы быстро приняли решение, — сказал он.

— У меня не было времени на медленное.

— Теперь будет.

— Вы обещаете?

— Я не обещаю того, чего не могу обеспечить.

Марина сняла пальто и бросила его на спинку кресла.

— Зачем вы привезли меня сюда?

— До свадьбы вы будете жить здесь.

— Я могу вернуться в клинику.

— Нет.

— Почему?

— Потому что клиника открыта для всех. Здесь безопаснее.

— Вы называете это безопасностью?

— Да.

— А я называю это клеткой.

— В клетках бывают двери.

— И ключи у хозяина.

Он поставил чашку на каминную полку.

— Вы можете ходить по дому, пользоваться садом, встречаться с матерью и братом. Телефон останется у вас.

— Но вы будете его проверять.

— Иногда.

— Кто вам даст право?

— Вы.

— Я ещё ничего вам не дала.

— Вы уже согласились стать моей женой.

От этих слов внутри у неё что-то дёрнулось. Не страх — ярость. Именно она удержала Марину на ногах.

— Свадьба будет через неделю.

— Через три дня.

— Через неделю.

— Через четыре дня.

— Через неделю, Артём.

Он смотрел на неё долго. Потом едва заметно кивнул.

— Хорошо. Через неделю.

Марина не ожидала, что он уступит, и потому почувствовала себя проигравшей даже в этой маленькой победе.

— Я хочу сама выбрать платье.

— Выберите.

— Сама составлю список гостей.

— Гостей не будет много.

— Моя мать и брат будут.

— Разумеется.

— И никто не станет подписывать документы вместо меня.

— Вы подпишете всё лично.

— Брачный договор я прочитаю с независимым юристом.

— Я уже пригласил его.

— Не вашего.

— Он не работает на меня.

— Все работают на того, кто платит.

Артём подошёл к столу, открыл папку и достал несколько листов.

— Здесь указано, что после регистрации брака долг Виктора Сергеевича аннулируется. Лечение вашей матери оплачивается отдельно. Обучение брата — до окончания колледжа, без условий.

Марина взяла бумаги. Юридический текст расплывался перед глазами, но ключевые пункты она прочитала внимательно. Ни слова о том, что она становится собственностью Артёма. Ни обязательства родить ребёнка. Ни запрета на работу. Только передача имущества, порядок расходов и соглашение о прекращении требований к её семье.

— Где ловушка? — спросила она.

— В вас.

— Не смешно.

— Я не шучу.

Она подняла голову.

— Вы получите жену, которая вас ненавидит.

— Это временно.

— Вы так уверены?

— Ненависть требует внимания. А внимание уже связывает людей.

— Самодовольный убудок.

— Возможно.

Он говорил без раздражения, и это бесило сильнее всего.
— Теперь правила, — сказала Марина. — Раз уж вы реши-
ли превратить брак в распорядок.

Артём сел напротив.

— Слушаю.

— Я не буду отчитываться за каждую минуту.

— Будете сообщать, где находитесь.

— Это не одно и то же.

— Для меня — почти.

— Я не стану спрашивать разрешения, чтобы увидеть
мать.

— Нет. Но поездка будет с охраной.

— Я не буду отказываться от друзей.

— От каких?

— Это не ваше дело.

— С этого дня — моё.

Марина наклонилась к нему.

— Вы можете контролировать мои дороги, телефоны и
людей вокруг меня. Но не заставляйте меня уважать вас.

— Уважение не требуют.

— А что требуете вы?

— Соблюдения договорённостей.

— Вы будете верны мне?

Вопрос вырвался сам. Марина хотела увидеть, как он от-
реагирует, но лицо Артёма осталось непроницаемым.

— Да.

— И ждёте того же от меня?

— Я не женюсь на женщине, которая будет спать с другими мужчинами.

— Вы покупаете меня и ещё требуете верности?

— Я не покупаю ваше тело. Я беру на себя вашу семью, имя и безопасность.

— Очень благородно.

— Я не благородный человек.

Он поднялся.

— Вы будете жить здесь. Днём можете пользоваться автомобилем, но только с водителем. Охрана будет рядом, пока вы не привыкнете. Телефон не отберут, однако скрытые номера и встречи без предупреждения недопустимы.

— А одежда?

— Вы сами выбираете, что носить.

Марина удивлённо посмотрела на него.

— Правда?

— До тех пор, пока вы не начнёте одеваться так, будто хотите проверить моё терпение.

— Значит, всё-таки будете выбирать.

— Я предупредил.

— А если я нарушу?

Артём подошёл к ней почти вплотную. От него пахло кофе, холодом и дорогим табаком.

— Тогда я напомним, на каких условиях вы вошли в этот дом.

— Долгом?

— Ответственностью.

— Нет, Артём. Долгом.

Он не прикоснулся к ней, но Марина всё равно почувствовала его присутствие кожей.

— Называйте как хотите, — сказал он. — Названия не меняют сути.

— Меняют. Когда человек говорит «жена», а имеет в виду «собственность», это важно.

В его глазах мелькнуло что-то тяжёлое.

— Вы не собственность.

— Тогда кто я?

— Моя будущая жена.

— Разница небольшая.

— Для меня — большая.

Марина отступила к окну. За стеклом темнел лес. Ветки царапали друг друга, и этот сухой звук напоминал шорох бумаги в кабинете отца.

— Я хочу увидеть договор сегодня.

— Юрист приедет вечером.

— И поговорить с Егором.

— Он уже в колледже. Ему обеспечили охрану.

— Я не спрашивала, где он.

— Он звонил вам?

— Нет.

— Значит, занят.

Марина резко повернулась.

— Не трогайте его.

— Я не трогаю.

— Если с ним что-нибудь случится...

— Ничего не случится.

— Вы не можете знать.

— Могу.

Он произнёс это так уверенно, будто держал в руках не только её жизнь, но и весь город за воротами.

Марина ненавидела его за эту уверенность. За то, что он действительно мог защитить её близких. За то, что рядом с ним страх становился не угрозой, а системой: с расписанием, правилами, пропусками и охраной.

Артём направился к двери.

— В семь ужин.

— Я не голодна.

— Это не просьба.

— Тогда я не приду.

Он остановился.

— Придёте.

— Вы уже решили?

— Да.

— А если я запрусь в комнате?

— Дверь не запирается снаружи.

— Но откроется изнутри?

— Разумеется.

— Вы всё время будете напоминать, что можете быть хуже?

— Нет. Я буду напоминать, что пока стараюсь быть лучше.
Марина смотрела ему вслед.

— А если не получится?

Артём обернулся.

— Тогда вы узнаете первой.

Он вышел, оставив её одну посреди чужого дома.

На столе лежал брачный договор. Рядом — её телефон, карточка с номером Артёма и письмо от отца, которое она так и не решилась уничтожить.

Марина села, раскрыла папку и начала читать.

Каждый пункт был написан ясным языком. Никаких скрытых угроз, двусмысленностей, обещаний, которые можно трактовать как угодно. Артём предусмотрел всё — лечение матери, учёбу Егора, жильё, безопасность, отказ от претензий к семье.

Только её свобода нигде не упоминалась.

Марина закрыла договор и прижала ладонь к холодной обложке.

Она согласилась стать женой человека, которого боялся весь город. Теперь оставалось понять, сколько именно от неё потребуется, чтобы этот человек позволил ей остаться собой.

За окном сгущался вечер. В доме зажигались лампы — одна за другой, словно кто-то прокладывал светлую дорожку по тёмному коридору.

Марина знала: дорожка ведёт не к выходу.
Она вела к алтарю.

ГЛАВА 3 - Жена авторитета

Через неделю особняк перестал быть домом и превратился в крепость, которую заставили улыбаться.

С самого утра по коридорам ходили люди в чёрных костюмах, пахло свежими цветами, воском и горячим металлом утюгов. В гостевой комнате две женщины раскладывали на кровати платье Марины: белое, тяжёлое, с закрытой спиной и тонкой вышивкой по лифу. Оно стояло, вероятно, больше, чем их прежний дом.

— Я просила другое, — сказала Марина.

Одна из женщин замерла с булавкой в пальцах.

— Это выбрал Артём Игоревич.

— Я неспрашивала, кто выбрал.

— Простите.

Марина подошла к платью и провела ладонью по ткани. Шёлк был гладким, почти холодным. На белом фоне вышитые ветви казались царапинами на снегу.

— Уберите его.

— Но...

— Уберите.

Женщины переглянулись. Через минуту в комнату вошёл Дмитрий Андреевич.

— Что случилось?

— Платье мне не подходит.

— Артём Игоревич распорядился...

— Передайте Артёму Игоревичу, что сегодня я выйду к гостям в том, что выберу сама.

Дмитрий Андреевич посмотрел на неё поверх очков. За последнюю неделю он научился не спорить с Мариной открыто. Она тоже кое-чему научилась: замечать, где заканчивается вежливость и начинается страх.

— У вас есть другое платье?

— Есть.

Она открыла шкаф. Там висело ещё несколько нарядов, привезённых без её участия. Среди них нашлось простое платье цвета густого вина — с длинными рукавами, строгим воротом и узкой линией талии. Не свадебное в привычном смысле. Скорее, платье женщины, которая пришла не просить, а предупреждать.

— Надену это.

Дмитрий Андреевич задержал взгляд на ткани.

— Артём Игоревич может не одобрить.

— Тогда у него будет повод впервые за утро сказать мне что-нибудь лично.

Он едва заметно усмехнулся.

— Вы быстро освоились.

— Нет. Я просто перестала делать вид, что мне нравится.

К полудню вокруг особняка выстроились автомобили. Чёрные, блестящие, одинаковые, будто их выплавили из одного куска ночи. Охрана проверяла каждого гостя у во-

рот, хотя большинство приехавших знали друг друга годами. Среди них были владельцы предприятий, начальники охранных фирм, чиновники, адвокаты, люди с тяжёлыми лицами и мягкими руками.

Никто не говорил вслух, что пришёл на свадьбу человека, которого лучше не раздражать. Все улыбались, поздравляли, подавали подарки и старались не смотреть на вооружённых мужчин у дверей.

Мать приехала из клиники в светлом костюме. Она похудела, но держалась прямо. Егор шёл рядом, непривычно серьёзный, в новом тёмном костюме, который явно выбирал не он. Увидев Марину на лестнице, он остановился.

— Ты похожа на королеву, — сказал он.

— А ты — на человека, которого заставили надеть чужую одежду.

— Так и есть.

Мать протянула ей руку.

— Красивое платье.

— Я сама выбрала.

— Значит, день ещё можно спасти.

Марина улыбнулась, хотя губы дрогнули.

Внизу заиграла музыка. Не громкая — пианист перебирал клавиши в гостиной, и мелодия растекалась по дому, как дорогой запах. На стенах горели бра, в высоких вазах стояли белые розы. Среди них не было ни одной красной.

Артём появился, когда все уже собрались.

Он спустился по лестнице в чёрном костюме без галстука. Белая рубашка подчёркивала смуглое лицо, а на правой руке блеснули часы. Он не торопился. Гости расступались перед ним не по приказу, а по привычке.

У нижней ступени Артём остановился и посмотрел на Марину.

Его взгляд скользнул по платью, задержался на её лице.

— Вы выбрали вино вместо белого.

— Белое мне не идёт.

— Я заметил.

— И всё-таки не потребовали переодеться.

— Вы бы всё равно не послушались.

— Теперь вы начинаете понимать.

Он подошёл ближе. От него пахло древесиной, табаком и холодным воздухом.

— Сегодня вы будете улыбаться.

— Это распоряжение?

— Совет.

— От вас советы звучат как распоряжения.

— От вас возражения звучат как приглашение к спору.

Марина посмотрела на гостей. Несколько человек следили за ними, не скрывая любопытства. Артём заметил это и протянул ей руку.

— Идёмте.

Она вложила пальцы в его ладонь. Рука была тёплой, сильной. Слишком уверенной для человека, которому предстоя-

ло просить её согласия у алтаря.

В гостиной разговоры стихли. Артём провёл Марину между рядами гостей, представляя каждого по имени и должности. Он не торопился, словно показывал не жену, а редкое приобретение.

— Это Марина Викторовна, моя невеста.

— Это господин Беляев, владелец транспортной компании.

— Это Сергей Николаевич, заместитель главы городской администрации.

— А это моя королева.

Последние слова он произнёс громче остальных.

По гостиной прошёл лёгкий шорох.

Марина повернула голову. Артём смотрел на неё с почти ласковой улыбкой. Для всех вокруг он был внимательным женихом, человеком, который гордится женщиной рядом. Только она слышала в его голосе другое: объявление права владения.

— Королева? — переспросила она.

— Вы против?

— Я не привыкла к громким титулам.

— Привыкнете.

Он коснулся губами её виска. Не поцеловал — лишь едва прикоснулся. Но жест оказался достаточно заметным, чтобы гости одобрительно заулыбались.

Марина тоже улыбнулась.

В этом она уже стала искусной.

Церемонию устроили в отдельном зале, где окна выходили на лес. Государственный регистратор приехала из города с двумя помощницами. Она говорила ровным голосом, зачитывала положенные слова и ни разу не посмотрела на охрану у дверей.

Когда настал момент произнести согласие, Марина увидела перед собой не Артёма, а мать. Её тонкие пальцы, следы уколов на запястьях, больничную койку. Потом возник Егор — с рюкзаком за плечами, упрямый и злой, но живой и учившийся.

— Согласна, — произнесла Марина.

Голос не дрогнул.

— Согласен, — сказал Артём.

Он смотрел на неё так, будто эти два слова означали не начало праздника, а принятие условий договора, который уже подписан кровью чужих ошибок.

Кольцо оказалось простым: белое золото, без камней. Артём надел его ей на палец медленно, не отводя взгляда. Когда Марина надела кольцо ему, его рука на мгновение сжалась.

— Поздравляю вас, — сказала регистратор.

Гости зааплодировали.

Марина слышала этот звук и подумала, что аплодисменты похожи на дождь по крыше: шумные, равнодушные, неспособные изменить то, что происходит внутри дома.

После церемонии начался ужин. На длинных столах стоя-

ли серебряные блюда, хрустальные бокалы и тарелки, украшенные тонкими золотыми узорами. Подавали осетрину, перепёлок, салаты с редкими фруктами, мясо, нарезанное такими ровными ломтями, будто его делали не ножом, а машиной.

Марина почти ничего не ела.

К ней подходили женщины, поздравляли, разглядывали платье, кольцо, волосы. Одни завидовали, другие сочувствовали, третьи пытались определить, сколько именно власти теперь досталось ей вместе с мужем.

— Вам очень повезло, — сказала жена одного из предпринимателей.

Марина посмотрела на неё.

— С чем именно?

Женщина запнулась.

— С Артёмом Игоревичем.

— Это ещё предстоит выяснить.

Собеседница улыбнулась, но глаза её стали осторожными.

Артём наблюдал за Мариной из другого конца стола. Он разговаривал с двумя мужчинами, почти не меняя выражения лица, однако замечал всё. Когда один из гостей слишком долго держал Марину за руку, Артём перестал говорить. Мужчина тут же отпустил её пальцы.

— Вы быстро учитесь, — сказал Артём, когда Марина села рядом.

— Чему?

— Не оставлять людям надежды.

— Я никому ничего не обещала.

— Иногда достаточно взгляда.

— Вы ревнуете?

— Я предупреждаю.

— Разница небольшая.

— Для меня — большая.

Он налил ей шампанского. Марина прикоснулась к бокалу, но не отпила.

— Вам придётся произнести тост, — сказал Артём.

— Не придётся.

— Все ждут.

— Пусть ждут.

Он повернулся к ней. В его глазах не было злости, только холодное требование.

— Марина.

Она выдержала его взгляд.

— Хорошо.

Артём поднялся и постучал пальцами по бокалу. Гости замолчали.

— Сегодня я привёл в этот дом женщину, которую люблю уважать, — сказал он.

Марина едва заметно повернула голову.

Он не сказал «люблю». Он сказал иначе — осторожнее, двусмысленнее. Но слушатели услышали то, что хотели услышать.

— Марина стала моей женой. С этого дня она — хозяйка моего дома и моя королева. Я прошу всех относиться к ней с тем же уважением, с каким вы относитесь ко мне.

Взгляды гостей переместились к Марине.

Она медленно поднялась.

— Я благодарю вас за поздравления, — сказала она. — И хочу добавить только одно. Корона тяжёлая, если её надевают без права снять.

В зале стало тихо.

Артём смотрел на неё неподвижно.

Марина подняла бокал.

— За тех, кто умеет платить по своим счетам.

Некоторые гости засмеялись, решив, что это шутка. Другие промолчали. Артём выпил первым.

— За мою жену, — сказал он.

Марина села. Под столом его пальцы сомкнулись вокруг её запястья.

Улыбка на его лице не изменилась.

— Очень остроумно, — произнёс он.

— Вы сами велели мне улыбаться.

— Я велел не забывать, где вы находитесь.

— Я не забываю.

Праздник продолжался до позднего вечера. Гости танцевали, музыка становилась громче, бокалы наполнялись снова и снова. Мать вскоре устала, и Артём распорядился проводить её в отдельную комнату для отдыха. Егор хотел

остаться, но Марина отправила его вместе с матерью.

— Я не ребёнок, — возразил он.

— Поэтому и прошу тебя не устраивать здесь войну.

— А ты?

— Я уже внутри.

Он понял и ничего не ответил.

Когда последний гость уехал, дом мгновенно изменился. Музыка смолкла. Слуги убрали бокалы. Охрана закрыла ворота. На полированных полах остались только тени от люстр и несколько лепестков, выпавших из ваз.

Артём снял пиджак и бросил его на спинку кресла.

Марина стояла у окна, не снимая туфель. Ноги болели, но она не хотела показывать усталость.

— Праздник закончен, — сказала она.

— Для гостей.

— А для нас?

— Для нас он только начинается.

Она повернулась.

— Не подходите ко мне.

Артём остановился.

— Я не собирался.

— Вы весь день представляли меня как королеву.

— Так и есть.

— Нет. Для них я была украшением рядом с вами. Красивой вещью, которую вы приобрели вместе с новым домом.

— Вы сами решили выглядеть именно так.

— Я решила не дать им увидеть страх.

— Страх не делает вас слабой.

— В вашем мире делает.

Артём подошёл к камину и налил себе виски. В комнате пахло остывшим воском и розами.

— Вы получили всё, чего хотели, — сказал он. — Мать лечится. Егор учится. Долг исчез. Дом и счета вашей семьи больше никто не тронет.

— За это я вышла за вас.

— Именно.

Он произнёс это спокойно, почти буднично.

Марина медленно сняла кольцо и положила его на ладонь.

— Вы хотите, чтобы я каждый день напоминала себе о цене?

— Вы и так будете помнить.

— Тогда зачем говорить?

Артём поставил стакан на камин.

— Чтобы не возникло путаницы. На людях вы моя королева. Я буду защищать вас, обеспечивать, давать вам всё, что нужно. Никто не посмеет унижить вас или причинить вред.

— А наедине?

Он посмотрел на кольцо в её руке.

— Наедине вы жена, которую я получил в обмен на долг Виктора Сергеевича.

Слова легли между ними тяжело и точно.

Марина почувствовала, как лицо становится горячим.

— Вот теперь честно.

— Я всегда честен с вами.

— Нет. Вы просто не умеете быть добрым.

— Добрым быть проще. Достаточно сказать то, что человек хочет услышать.

— А вы не хотите, чтобы я вас любила?

— Хочу.

— Тогда зачем уничтожаете всё, что могло бы к этому привести?

Артём долго молчал.

— Потому что любовь не отменяет договорённостей.

— Для вас она тоже сделка?

— Для меня любовь — риск.

— И вы решили застраховаться долгом?

— Я решил не позволить вам уйти, пока вы не поймёте, что можете остаться по собственной воле.

Марина усмехнулась.

— Невозможно остаться по собственной воле в доме, где каждую дверь охраняют.

— Двери открыты.

— Охрана у ворот.

— Чтобы вас не похитили.

— Или чтобы я не сбежала?

— И то и другое.

Она надела кольцо обратно.

— Вы обещали, что не будете запираť меня.

— Я не запираю.

— Просто строите вокруг меня стены и называете их заботой.

Артём приблизился, но остановился на расстоянии вытянутой руки.

— Сегодня вы стали моей женой. Я не собираюсь делить вас ни с кем.

— Я не вещь.

— Я знаю.

— Вы только что назвали меня купленной.

— Я назвал условия, на которых вы вошли в мою жизнь.

— А если я нарушу их?

— Я напомню вам о последствиях.

— Каких?

— Вашей семье больше никто не угрожает, пока я этого не допущу. Но если вы предадите меня, я не стану изображать, будто ничего не произошло.

— Вы отнимете у меня мать? Брата?

— Нет.

— Тогда что у вас останется?

Артём посмотрел ей прямо в глаза.

— Вы.

Впервые за весь день в его голосе появилась трещина. Небольшая, почти незаметная, но Марина её услышала.

— Вы не можете владеть человеком, — сказала она.

— Могу заставить его остаться рядом.

— Это не одно и то же.

— Я знаю.

Он поднял руку, будто хотел коснуться её лица, но передумал.

— Идите отдыхать, Марина.

— А вы?

— Мне нужно закончить несколько дел.

— В брачную ночь?

— Вы не хотите, чтобы я приходил.

— Я не хочу, чтобы вы считали эту ночь своей наградой.

Он кивнул.

— Тогда не буду.

Марина направилась к двери. У самого выхода остановилась.

— Артём.

— Да?

— Сегодня вы называли меня королевой.

— Назвал.

— Запомните: королевы не просят разрешения покинуть дворец.

Он ответил не сразу.

— Тогда не заставляйте меня превращать дворец в крепость.

Марина вышла, не попрощавшись.

В спальне горела одна лампа. На кровати лежала коробка с подарком: тонкая цепочка с подвеской в форме короны.

Рядом — записка, написанная рукой Артёма.

«Для моей жены».

Марина прочитала её дважды, затем закрыла коробку.

За стеной кто-то прошёл по коридору. Охрана менялась каждые два часа. Дом жил по чужому расписанию, и теперь её имя тоже было вписано в этот порядок.

Она сняла платье, смыла с лица макияж и долго смотрела на своё отражение. На пальце блестело кольцо. Слишком маленькое, чтобы быть цепью, и слишком тяжёлое, чтобы забыть о ней.

Марина легла, но сон не приходил.

Её мать была в безопасности. Егор — под защитой. Долг отца исчез. Всё, ради чего она согласилась на этот брак, теперь существовало: лекарства, учёба, охрана, закрытые счета.

Только свободы в этом списке не было.

Марина повернула голову к окну. За стеклом темнел лес. Где-то за ним начиналась дорога, по которой можно было уехать, если хватило бы смелости и если Артём позволил бы.

Она улыбнулась собственным мыслям.

Позволить он не сможет.

Однажды ей придётся уйти не с его разрешения, а вопреки ему. И тогда корона пригодится не как украшение.

Как оружие.

ГЛАВА 4 - Правила клетки

Утро началось с тишины, в которой дом казался ещё больше.

Марина проснулась до рассвета. За окнами лес стоял чёрной стеной, а на стекле дрожали капли ночного дождя. На прикроватном столике лежала коробка с короной. Она открыла её, достала подвеску и надела на шею.

Металл оказался холодным.

Марина посмотрела на себя в зеркало. Тонкая цепочка почти терялась на коже, маленькая корона лежала у самой ключицы. Подарок выглядел безобидно. В этом и была его сила.

В дверь постучали.

— Войдите.

Появилась женщина лет сорока с аккуратно собранными волосами и двумя чехлами через руку.

— Меня зовут Ирина. Артём Игоревич поручил подобрать вам одежду на сегодня.

— Я справлюсь сама.

— Он просил передать, что сегодня у вас несколько встреч.

— С кем?

— С управляющим домом, врачом вашей матери и юристом. После обеда — поездка в город.

— Какая предусмотрительность.

Ирина промолчала. Она раскрыла первый чехол. Внутри висел серый костюм с узкой юбкой, белая блузка и туфли на невысоком каблуке.

Марина коснулась рукава.

— Это выбрал Артём?

— Да.

— Тогда уберите.

— Но...

— Я сказала, уберите.

Женщина нерешительно посмотрела на неё.

— Он велел подобрать одежду, которая соответствует вашему новому положению.

— Моё новое положение не требует серого костюма.

Марина подошла к гардеробу. Там уже появились десятки вещей: платья, жакеты, обувь, пальто. Всё было дорогим, безупречно сшитым и совершенно чужим. Будто кто-то заранее подготовил для неё новую кожу.

Она достала чёрные брюки, алую рубашку и длинный жакет цвета тёмного вина.

— Надену это.

— Артём Игоревич...

— Передайте ему, что я услышала его пожелание и не согласилась.

Ирина побледнела.

— Мне не хотелось бы оказаться между вами.

— Тогда не вставайте между нами. Просто отнесите его

одежду обратно.

Женщина забрала чехол и вышла. Второй оставила на кресле.

Марина оделась, закрепила волосы и спустилась в столовую. Артём уже сидел за длинным столом. Перед ним лежала папка, рядом стояла чашка чёрного кофе. Он был в рубашке с закатанными рукавами и читал документы так, словно свадьбы не было, а прошедшая ночь ничем не отличалась от любой другой.

У окна стояли двое охранников. Один разговаривал по телефону, второй смотрел в сад.

Артём поднял глаза.

— Я ожидал увидеть серый костюм.

— А я ожидала увидеть мужа, который способен выбирать одежду только для себя.

— Красный цвет привлекает внимание.

— В этом доме внимание уже приковано к каждому моему шагу.

Он задержал взгляд на короне у неё на шее.

— Вы надели подарок.

— Не обольщайтесь. Я просто решила проверить, насколько он прочный.

— Он сделан из золота.

— Значит, можно переплавить.

В уголке его рта мелькнула тень улыбки.

— Садитесь.

— Я не голодна.

— Садитесь, Марина.

Она не двинулась.

Артём закрыл папку.

— Это просьба.

— У вас все просьбы звучат одинаково.

— А вы каждое слово воспринимаете как приказ.

— Потому что ваши приказы обычно маскируются плохо.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Затем Марина села напротив. На столе стояла овсяная каша, фрукты, сыр, горячий хлеб. Всё выглядело так, будто завтрак подбирали не человеку, а больничному распорядку.

Артём налил ей кофе.

— Сегодня приедет врач. Он расскажет о состоянии вашей матери.

— Я сама позвоню в клинику.

— Позвоните после завтрака.

— Почему после?

— Потому что сначала вам нужно поесть.

— Вы собираетесь следить и за этим?

— Если потребуется.

— Я думала, вы ограничитесь охраной у ворот.

— Я не обещал ограничиваться.

Он произнёс это без нажима, но от спокойствия в его голосе становилось не по себе.

Марина взяла чашку, но не отпила.

— Где мой телефон?

— У меня.

— Верните.

— После проверки.

— Вы проверяли его ночью?

— Нет.

— Почему тогда он у вас?

Артём откинулся на спинку стула.

— Потому что теперь вы моя жена. Я должен знать, с кем вы общаетесь.

— Нет. Вы хотите знать, с кем я общаюсь.

— Это одно и то же.

— Для человека, который привык распоряжаться другими, возможно.

Он достал телефон из кармана пиджака, лежавшего на соседнем стуле, и положил на стол. Экран загорелся. На нём были пропущенные вызовы, сообщения от матери, Егора и несколько неизвестных номеров.

Марина протянула руку, но Артём накрыл телефон ладонью.

— Сначала я посмотрю.

— Вы не имеете права.

— Имею.

— Мы подписали брачный договор, а не отказ от моей личности.

— В договоре есть пункт о безопасности.

— Там нет разрешения читать мою переписку.

— Есть пункт о людях, которые могут использовать вашу семью против вас.

— Вы включили туда весь город?

— Почти.

Марина встала.

— Отдайте телефон.

Артём тоже поднялся. Между ними оставался стол, заставленный посудой.

— Сядьте.

— Нет.

— Марина.

— Вы вчера сказали, что не будете запирасть меня. Сегодня забрали телефон и выбрали одежду. Что будет завтра? Вы начнёте решать, когда мне дышать?

— Не драматизируйте.

— Это не драма. Это последовательность.

Артём взял телефон и разблокировал его. Пароль он знал. Марина сама сообщила его накануне, когда оформляли общие документы. Тогда ей казалось, что в этом нет значения. Теперь четыре цифры выглядели как оставленная открытой дверь.

Он пролистал список звонков, фотографии, сообщения. Делал это медленно, без суеты. В его лице не менялось ничего, но Марина видела, как напряглась мышца у виска.

— Вы читаете мои разговоры с Егором?

— Да.

— Там нет государственных тайн.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

— Чтобы убедиться, что он не передаёт ваши сведения кому-либо ещё.

— Ему семнадцать лет.

— В семнадцать лет люди уже понимают цену чужой информации.

Марина резко выхватила телефон. Артём не стал удерживать, но его взгляд стал жёстче.

Она открыла список переписки и положила аппарат перед ним.

— Читайте вслух.

— Что?

— Раз уж вы решили стать моим надзирателем, не прячьтесь за молчанием. Читайте вслух. «Марина, купи мне зарядку». «Марина, здесь ужасная столовая». «Марина, мама сегодня лучше». Вам это интересно?

Артём смотрел на экран.

— Нет.

— Тогда почему вы это читаете?

— Потому что иногда важное прячут среди пустяков.

— А иногда человек просто имеет право на пустяки.

Телефон завибрировал. На экране высветился неизвестный номер.

Марина нажала кнопку ответа.

— Слушаю.

В трубке молчали.

Потом мужской голос спросил:

— Это Марина Викторовна?

Артём мгновенно протянул руку. Марина отвернулась от него.

— Кто вы?

— Передайте Воронцову, что долги не исчезают вместе со свадьбой.

Связь оборвалась.

В столовой стало тихо. Даже охранник у окна повернул голову.

Артём забрал телефон.

— Номер нужно установить.

— Вы слышали не меньше моего.

— Кто-нибудь ещё звонил с него?

— Нет.

— Почему вы сразу не сказали, что номер неизвестный?

— Потому что вы читали мои сообщения.

Он посмотрел на неё, затем передал аппарат одному из охранников.

— Проверьте номер. И найдите, откуда был звонок.

Охранник кивнул и вышел.

Марина скрестила руки на груди.

— Вот так это и работает? Вы забираете мою жизнь по

частям, а каждый случай оправдываете угрозой?

— Сегодня угроза была настоящей.

— Возможно. Но вы начали проверять телефон раньше.

— Потому что знал: рано или поздно вам позвонят.

— И теперь будете проверять каждый входящий?

— Да.

— Каждый разговор?

— Если понадобится.

— А мои письма?

— Тоже.

— Друзей?

— Всех, кто захочет приблизиться к вам.

Марина наклонила голову.

— Вы понимаете, что говорите не о безопасности, а о ответственности?

— Я понимаю разницу.

— Тогда почему ведёте себя так, будто её нет?

Артём подошёл к окну. Снаружи по мокрой дорожке прошёл человек в тёмной куртке. Он поднял руку, и охрана у ворот открыла ему калитку.

— Вчера вы стали моей женой, — сказал Артём. — Сегодня первый день, когда враги могут ударить по мне через вас. До свадьбы вы были дочерью должника. Теперь вы — моя слабость.

— Какая трогательная откровенность.

— Не льстите себе. Я не говорю, что вы слабая. Я говорю,

что вас будут использовать.

— А вы используете меня сами.

— Да.

Прямота обезоружила сильнее оправдания.

— Для чего?

— Чтобы удержать вас рядом.

— Значит, всё это вы делаете не ради моей безопасности.

— Не только ради неё.

Марина встала и подошла к нему.

— Вы хотите, чтобы я жила под наблюдением, носила выбранную вами одежду и отчитывалась за каждый звонок.

При этом называете меня королевой.

— Королева тоже живёт во дворце.

— Но у неё есть двор.

— У вас он будет.

— Из людей, которых вы наняли?

— Из тех, кто понимает правила.

— Я не собираюсь быть частью вашего двора.

Артём повернулся к ней.

— Тогда не ведите себя как человек, который хочет играть против меня.

— А если хочу?

Его лицо стало неподвижным.

— Это предупреждение?

— Это вопрос.

— Нет, Марина. Это последняя возможность не превра-

щать наш брак в войну.

Она заметила, что охранники в комнате исчезли. Дверь в столовую была закрыта. Артём заранее распорядился оставить их одних.

— Вы пугаете меня?

— Я объясняю последствия.

— Вы делаете это с удовольствием?

— Нет.

— Врёте.

Он резко поставил ладонь на подоконник рядом с её плечом. Не коснулся её, но оказался слишком близко. От его тела исходило тепло, от одежды — запах табака и дождя.

— Послушайте внимательно, — сказал он тихо. — Я не буду поднимать на вас руку. Не запру в комнате. Не отниму деньги и не причиню вред вашей матери или брату. Но если вы начнёте тайно встречаться с людьми, которые работают против меня, я остановлю вас. Если будете передавать сведения — лишитесь доступа к тем местам и людям, через которых это делается. Если попытаетесь исчезнуть, я найду вас раньше, чем вы доедете до первой заправки.

Марина не отвела взгляда.

— А если я просто выйду за ворота?

— С охраной.

— А если одна?

— Не выйдете.

— Вы сказали, что не запираете меня.

— Ворота будут открыты.

— Но я не смогу пройти.

— Сможете. И тогда люди у ворот остановят вас.

— Это и есть клетка.

— Нет. Клетка — это когда выхода нет. У вас он есть.

— Просто ключ у вас.

В его глазах что-то дрогнуло.

— Ключ у вас тоже.

— Где?

— В том, как вы со мной разговариваете. В том, что я всё ещё отвечаю, а не приказываю. Не заставляйте меня отнять у вас и это.

Марина почувствовала, как внутри поднимается злость. Не горячая, беспорядочная, а ясная и тяжёлая. Ею можно было дышать.

— Вы хотите послушную жену?

— Нет.

— Лживую?

— Нет.

— Тогда чего вы хотите?

— Чтобы вы понимали: я не ваш враг.

— Вы купили мой брак. Забрали телефон. Назначили охрану. Выбираете одежду и решаете, с кем мне разговаривать. Если вы не враг, то кто?

— Муж.

— Муж не распоряжается женой как принадлежащим ему

имуществом.

— Хороший муж — нет.

— А вы плохой?

Артём долго молчал.

— Я опасный.

— Это не ответ.

— Для вас — ответ.

Он отступил, оставляя ей пространство.

— Сегодня после обеда мы поедem к вашей матери. Машина будет одна, охрана — две машины сопровождения.

— Я поеду без сопровождения.

— Нет.

— Тогда я никуда не поеду.

— Поедете.

— Попробуйте заставить.

Эти слова повисли в воздухе. Артём смотрел на неё так, словно впервые видел не женщину, согласившуюся на сделку, а противника, который только что сделал первый ход.

— Хорошо, — произнёс он. — Вы хотите проверять границы. Проверяйте.

— Не угрожайте мне.

— Я не угрожаю. Я предупреждаю. Разница в том, что угроза обещает боль, а предупреждение даёт возможность её избежать.

— Как великодушно.

— Не испытывайте меня только ради удовольствия услы-

шать собственную смелость.

Марина улыбнулась.

— А если я испытываю вас не ради удовольствия?

— Тогда скажите прямо, чего хотите.

— Свободы.

— Её не бывает без ответственности.

— Я отвечала за семью задолго до того, как стала вашей женой.

— Тогда ведите себя так, будто понимаете цену решений.

— Я понимаю. Именно поэтому не позволю вам принимать их за меня.

Артём взял со стола папку.

— В десять вас ждёт управляющий. В одиннадцать — юрист. В час мы едем к матери.

— Я сама решу, что надеть.

— Да.

— Телефон остаётся у меня.

— После того, как я поставлю на него программу наблюдения.

Марина резко рассмеялась.

— Конечно.

— Вы можете отказаться.

— И что произойдёт?

— Телефон заменят другим. С ним вы будете пользоваться только теми функциями, которые не создают угрозы.

— Значит, выбора нет.

— Выбор есть. Просто вам не нравится его цена.

— Вы говорите это о всём.

— Потому что это правда.

Он направился к двери.

— И ещё одно, Марина.

Она обернулась.

— Не называйте меня своей собственностью при людях,

— сказала она раньше него. — Иначе я начну отвечать вам тем же.

— Как именно?

— Буду представлять вас как человека, которого приобрела вместе с его страхами.

Артём остановился.

— Попробуйте.

— Это снова предупреждение?

— Нет. Любопытство.

Он вышел.

Марина осталась одна в столовой. На столе остывал кофе, рядом лежал её телефон. Экран снова загорелся: сообщение от Егора.

«Ты как? Он тебя не обижает?»

Марина набрала ответ, но остановилась. Артём уже поставил наблюдение или только собирался? Она не знала. Впервые мысль о том, что каждое её слово может быть прочитано, не вызвала страх. Она вызвала расчёт.

Марина написала:

«Я в порядке. Не задавай лишних вопросов. Учись и не доверяй незнакомым людям».

Затем удалила сообщение и набрала другое:

«Я сама разберусь. Позвони вечером».

Она отправила его и спрятала телефон в карман.

В зеркале над камином отражалась женщина в алой рубашке. На её шее блестела маленькая корона.

Марина коснулась подвески.

Клетка имела стены, охрану и правила. Но у неё была одна слабость: тот, кто считал себя хозяином, редко замечал, как пленница изучает замок.

Она не собиралась ломать его сегодня.

Сначала нужно было понять, где именно Артём прячет ключ.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.